

Алексей Митрофанов

Арбат

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

Арбат. Прогулки по старой Москве

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Арбат. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-858588-3

Еще в начале двадцатого века Арбат был улицей тихой, спокойной, уютной. На Арбате в основном селилось небогатое дворянство (на каждые шестеро жителей — один дворянин, по Москве это было рекордом. Затем тут пустили трамвай, появились витрины модных магазинов. Дух «тихого центра» ушел безвозвратно.

ISBN 978-5-44-858588-3

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

«Вот из архива плясуны»	7
Скромная обитель пушкинского друга	12
Мятежный «Петергоф»	14
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Арбат

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2017

ISBN 978-5-4485-8588-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В честь чего названа эта улица – никто не знает. Есть немало версий происхождения слова «Арбат». Ну, к примеру, от слова «горбат». Но все-таки он прям, а не горбат. Конечно, кривоват немного, но не более, чем остальные улицы Москвы.

Некоторые исследователи считают, что «Арбат» так назван по персидскому слову «рабат», что означает «пристанище», а вернее – «богадельня». Да, действительно, в Москве имели место заимствования из всяческих восточных языков. Однако большинство историков практически уверены, что никаких тут богаделен не существовало.

Была и третья версия: Арбат – от латинского «arbutum», вишня. Да, вполне возможно, что существовали тут вишневые сады. Однако зачем переводить родную вишню на чужой язык, неясно.

А безупречной версии, увы, не существует.

Еще в начале двадцатого века Арбат был улицей тихой, спокойной, уютной. На Арбате в основном селилось небогатое дворянство (на каждые шестеро жителей – один дворянин, по Москве это было рекордом). Затем тут пустили трамвай, появились витрины модных магазинов. Дух «тихого центра» ушел безвозвратно. Борис Зайцев писал: «Образ юности отошедшей, жизни шумной и вольной, ласковой сутолоки, любви, надежд, успехов и меланхолий, веселья и стремления – это ты, Арбат. По тебе снегом первым летят санки, и сквозь белый флер манны сыплющейся огневисто золотеют все витрины, окна разных Эйнемов, Реттере, Филипповых, и восседает «Прага», сладостный магнит. В цветах и в музыке, в бокалах и в сиянье жемчугов, под звон ножей, тарелок веселится шумная Москва, ни о чем не гадающая, нынче живущая, завтра сходящая, полумиллионная, полубогемская, сытая и ветром подбитая, талантливая и распущенная. Гремят и вьюги над Арбатом, яростно стуча по крышам, колотясь в двери облаками снега. Но сквозь мглу и вой метели невозбранно проплывает седенький извозчик, в санях вытертых, на лошаденке дмитровской, звенигородской, как корабль нехитрый, но и верный. К Рождеству елки на Арбатской площади – зеленым лесом. Приезжают дамы в соболях, везут чиновники, тащит рабочий елочку на праздник детям. И, отбушевавши Новый год, в звоне ль шампанского, в гаме ли водочки с селедкой, входят в ледяной январь, бегут, краснея носом, с усами заиндевельными, обдуваясь паром, – кто на службу, кто торговать, по банкам

и конторам. Кто – и по трактирам. Ночью же остро, хрупко-колюче горит Орион семи-звездием, тайно прельщающим над кристаллом снегов».

Улица время от времени чудачила. В революцию 1905 года здесь, на баррикадах, появлялся Константин Бальмонт, а дружинников – арбатских революционеров – возглавлял скульптор Сергей Коненков. После революции 1917 года так называемым «буржуям» запретили пользоваться для очистки снега (обязательной повинности в то время) лошадьми. «Буржуи» с других улиц стали таскать снег собственными, человеческими силами – а арбатцы завели себе верблюда. Перед Великой Отечественной войной здесь на мостовой появились цветные, прозрачные кирпичи. Они подсвечивались снизу, и прохожие, нимало не смущаясь, топали по этой сказочной поверхности – опять же, уникальное тогда в Москве явление. А обитатели

здешних домов вообще составляли своеобразное «арбатское братство» – почти «полумасонское», во всяком случае, не афиширующее себя сообщество «избранных». И разве что в песнях Окуджавы и других произведениях литературы информация о братстве хоть чуть-чуть, да выходила за его пределы.

Но все же во времена советские Арбат почти не выделялся среди множества других московских улиц – тогда вообще мало что выделялось. Анатолий Рыбаков писал о довоенном времени: «Арбат кончал свой день. По мостовой, заасфальтированной в проезжей части, но еще булыжной между трамвайными путями, катили, обгоняя старые пролетки, первые советские автомобили „ГАЗ“ и „АМО“. Трамваи выходили из парка с одним, а то и двумя прицепными вагонами – безнадежная попытка удовлетворить транспортные нужды великого города. А под землей уже прокладывали первую очередь метро, и на Смоленской площади над шахтой торчала деревянная вышка».

А в послевоенное время арбатцев стали расселять по панельным домикам, построенным на месте бывших деревень... И вскоре «братство» распалось. Первое время арбатцы, разумеется, созванивались, изредка даже встречались. Однако новые соседи и новые заботы все сильнее разделяли бывших жителей центра. Как бы до метро добраться (на автобусе сорок минут, а ведь его поди дождись), парного молочка прикупить (не все деревни разломали в одночасье, были поначалу и коровы, и яички только что из-под несущки, и волшебные ягодные сады) да с соседом, запивающим мертвецки, не рассориться (в панельных домиках тоже существовали коммуналки)!

В середине восьмидесятых Арбат стал пешеходным. И понеслась душа в рай. Академик Дмитрий Лихачев писал: «Я... предлагаю превратить пешеходный Арбат в Москве в улицу Культуры». Дальнейшие события, похоже, ориентировались на заветы Дмитрия Сергеевича – разве что понимание того, что такое культура, постоянно изменялось...

В 1987 году на Арбате пытались создать первую безалкогольную зону столицы. Примерно тогда же корреспондент одной из газет посетовал – дескать, не нашел на улице ни одного кафе: все государственные не работают, а кооперативных – нет. В ответ почти в каждом доме открылось какое-нибудь общепитовское заведение. А для любителей «русской экзотики» тут стали продавать матрешек, воинскую одежду и футболки

с изображением Кремля. И Булат Окуджава, один из идеологов «братства», озвучил ему приговор: «Я много раз говорил

о том, что Арбата больше нет. Я сетовал об этом. Действительно, его физическое существование так резко преобразилось, что ничего иного и не скажешь. И это, увы, не только мое мнение. Так думают многие арбатцы. Но, к счастью, Арбат стал символом еще задолго до своей физической гибели. Он продолжает им оставаться и до сих пор. Нельзя уничтожить историю, дух. Они продолжают существовать и подогревают и вдохновляют нас на деятельность. И то, что мы скорбим, засучиваем рукава, пытаясь уберечь свое прошлое, то есть самих себя, – разве это не признак того, что истинный Арбат уже прочно в нашей крови».

Мы же сегодня пройдем по Арбату спокойно и радостно. Постараемся, по крайней мере.

«Вот из архива плясуны»

Здание Российской государственной библиотеки (Воздвиженка, 3) строилось по проекту архитекторов В. Гельфрейха и В. Щуко с 1928 по 1958 годы.

Официально улица Арбат находится между Арбатской и Смоленской площадями. Но это лишь официально. А фактически Арбат берет начало от Кремля, от низенькой и коренастенькой Кутафьей башни: некогда нынешняя улица Воздвиженка тоже носила гордое название Арбат. Ее переименовали лишь в семнадцатом столетии – в Смоленскую (название «Воздвиженка» возникло много позже).

Первая достопримечательность – бывшая Ленинка, а ныне – РГБ (Российская государственная библиотека). Впрочем, многие так по сей день ее по старинке величают Ленинкой. Ни в коей мере, разумеется, не декларируя свои пристрастия к учению и идеям Ленина – просто название давно уж отделилось от фамилии вождя большевиков и выстроило свою собственную биографию.

А до Ленинки на этом месте помещалось здание главного архива Министерства иностранных дел, одного из престижнейших учреждений дореволюционной Москвы.

Этот архив был с историей. Один из его сотрудников, А. Кошелев, писал: «Архив прослыл сборищем блестящей московской молодежи, и звание „архивного юноши“ сделалось весьма почетным».

Все началось при Павле Первом.

Дело в том, что издавна в среде российского дворянства было заведено с рождения отдавать детей в престижные полки. Парень еще под стол пешком ходил, а уже обладал приличным офицерским чином. Нужно это было для того, чтобы, когда придет момент действительно идти на службу, звание было таким высоким, чтобы вместо тягот и лишений получать одни лишь удовольствия.

Император же решил этому делу положить конец. Д. Н. Свербеев вспоминал: «Павел в первые дни своего царствования потребовал списки, и сержантов гвардии, находившихся дома в отпуску, оказалась целая тысяча, если не более. Всем им было велено явиться в Петербург на смотр императору. Можно себе представить великий страх батюшек и матушек, бабушек и мамушек вести грудных или ползающих детей на смотр Павлу. Государю доложили о такой невозможности, и он одним почерком пера всех их выключил, но в гражданскую службу долго еще записывали семилетних...»

Тогда заботливые папеньки и маменьки нашли выход из ситуации: они стали пристраивать своих любимых отпрысков в архив. Служба непыльная и, кроме того, неплохой старт в дипломатической карьере.

Зачисление в архивисты было настоящим праздником, увы, доступным далеко не каждому. Писатель М. А. Дмитриев

с восторгом вспоминал: «Когда мать моя была еще очень молода и жила в Саратове, у ней была там приятельница Анна Петровна Левашова... Узнавши обо мне, т. е. о существовании сына ее молодой подруги, она вздумала оказать ей знак своей любви и памяти и записала меня в 1805 году марта 8-го в московский архив иностранной Коллегии, куда меня приняли архивариусом, чином 12-го класса. Вдруг получена была на почте маленькая шпажка и уведомление об этом от дяди. Все были в восторге и решили тотчас сшить мне мундир... У дяди Сергея Ивановича были пуговицы с гербом Лифляндской губернии; на первый случай сделали мне зеленый мундир с красным казимировым воротником и с этими пуговицами. Потом, когда получили известие о настоящей форме, сшили мне другой, с черным бархатным воротником и посеребренными пуговицами, который мне, однако, не так нравился, как прежний, потому

что тот, с красным воротником, был похож на военный. Таким образом, по большим праздникам я ходил к обедне и щеголял дома в мундире. Потом именным указом от 24 февраля 1806 г. я был уволен в отпуск, „до окончания наук“, как было сказано в указе, т. е. до окончания курса учения».

Неудивительно – Дмитриеву в это время было только девять лет.

Архив сразу же изменился до неузнаваемости. Один из его сотрудников, Ф. Вигель, так описывал свое место работы: «По разным возрастам служивших в нем юношей и ребят можно было видеть в нем и университет, и гимназию, и приходское училище; он был вместе и канцелярия, и кунсткамера. Самая ранняя заря жизни встречалась в нем с поздним ее вечером; семидесятилетний надворный советник Иванов сидел близко от одиннадцатилетнего переводчика Васильцовского; манерные, раздушенные Евреиновы и Курбатовы писали вместе с Большаковыми и Щученковыми, которые сморкались в руку. Подле князя Гагарина и графа Мусина-Пушкина, молодых людей, принадлежавших к знатнейшим фамилиям в Москве, вы бы увидели Тархова, в старом фризском сюртуке, того уродца, который наделял нас работой и, во мзду своей снисходительности, выпрашивал у нас старое исподнее платье и камзолы».

Одних только князей Голицыных в те времена было четырнадцать персон.

Большинство «архивных юношей», конечно, не изобретали пороха. Все тот же Вигель сообщал: «По большей части все они, закоренелые москвичи, редко покидают обширное и великолепное гнездо свое и преспокойно тонут или потонули в неизвестности. Ни высокими добродетелями они не блистали, ни постыдными пороками не запятнались; если имели некоторые странности, то общие своему времени и месту своего жительства».

А исключения можно было, что называется, пересчитать по пальцам.

Конечно, работы на всех не хватало. Ее приходилось выдумывать. Николай Иванович Тургенев писал: «Вчера был

я в Архиве и занимался перетаскиванием столбцов из шкапов в сундуки. Какой вздор! Чем занимаются в Архиве; и еще Каменский сердится, зачем редко ездят... Там есть переводчики, которые не переводят, а переносят (старые столбцы). (Горчаков возил столбцы на рогожке!) Следовательно, из переводчиков делаются переносчиками или перевозчиками».

А еще время от времени в архиве проводилось что-то наподобие экзаменов. Притом сотрудники были обязаны давать ответы, слово в слово совпадающие с записанным в особом руководстве.

« – Что есть история?

– История есть повествование прошедших достопамятностей.

– Каким образом история различается от летописи?

– Летопись показывает только, в котором году что случилось; история же, повествуя о делах, представляет вместе,

с каким намерением и каким образом они произведены были».

И так далее.

Впрочем, многие сотрудники архива находили здесь свое призвание. Александр Иванович Тургенев (брат уже упомянутого Николая Ивановича), например, писал: «Я опять роюсь в здешнем Архиве и живу с Екатериной II, Фридрихом II, Генрихом Прусским, Потемкиным, Безбородко, а еще какие сокровища! Какая свежая и блистательная история! Без сего Архива невозможно писать истории Екатерины, России, Европы. Сколько в нем истинных, сколько искренних причин и зародышей великих и важных происшествий XVIII столетия. Какая честь для дельцов того времени, и сколько апологий можно бы составить для важнейших дипломатических исторических вопросов!»

Таких специалистов было за уши не оторвать от стеллажей и папок.

Сотрудники архивов раздражали общество. Фаддей Булгарин дал им отповедь в своем романе «Иван Выжигин»: «Чиновники, не служащие в службе, или матушкины сынки, т. е.

задняя шеренга фаланги, покровительствуемой слепую фортуною. Из этих счастливых большая часть не умеет прочесть Псалтыри, напечатанной славянскими буквами, хотя все они причислены в причт русских антиквариев. Их называют архивным юношеством. Это наши пети-метры, фашьонебли, женихи всех невест, влюбленные во всех женщин, у которых только нос не на затылке и которые умеют произносить: ош и поп. Они-то дают тон московской молодежи на гульбищах, в театре и гостиных. Этот разряд также доставляет Москве философов последнего покроя, у которых всего полно через край, кроме здравого смысла, низателей рифм и отчаянных судей словесности и наук».

Друг Пушкина С. Соболевский придумал для них звание «архивных юношей». Кличка прижилась, даже вошла в литературу. Тот же Пушкин писал в «Евгении Онегине»:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.

А поэт В. Филимонов примечал:

Вот из архива плясуны,
Из Экспедиции кремлевской.

«Архивный юноша» сделался символом праздной богатой молодежи, все свое время проводящей на балах, лишь изредка наведываясь на свое место работы.

Упомянутый уже Дмитриев писал: «Поступив в начале 1811 года в пансион, я должен был в то же время явиться к младшему начальнику архива, Алексею Федоровичу Малиновскому, который по знакомству своему с моим дядей взялся сам представить меня главному начальнику архива Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому. Здесь была со мной неприятная история. В архиве было несколько сот юношей, записанных и ничего не делавших. С них только и требовалось, чтобы они изредка показывались в архиве; но некоторые уезжали из Москвы или просто по году и более не являлись. Таких обыкновенно отыскивал и ловил Малиновской и приводил их к старику Бантыш-Каменскому. Старик был глух; не слыша, что говорит Малиновской, и видя незнакомое лицо, он принял меня за одного из беглецов и начал бранить. Малиновской кричал ему на ухо, а он, не слушая, продолжал кричать: „Знаю, знаю! все они шмольники, только что шатаются! ну, пошёл!“ Малиновской после этого заключения, когда замолчал старик, растолковал ему наконец, кто я и что я в первый раз являюсь на службу. Старик улыбнулся, просиял своим добрым лицом и сказал: „Ну, извини, а я думал, что ты из наших беглецов!“ Мне велено было всякий понедельник часу в 12-м являться в архив, куда, с позволения Антонского, я и ездил из пансиона».

Словом, «архивные юноши» явно не перетруждались.

В семидесятые годы девятнадцатого века для архива решили выстроить новенькое здание. Инициатором строительства явился высокопоставленный чиновник российского МИДа с чудесной фамилией Гамбургер, а в подрядчики был избран знаменитый Александр Пороховщиков. Покровительствовал же сам князь Горчаков, имперский канцлер. Гамбургер писал: «Горчаков дал мне возможность осуществить долго лелеемую мысль и сочувствием и содействием сохранил для потомства хартии нашей дипломатической истории, которые без перенесения их в новое помещение, вероятно, не только не были бы доступны для историков, но, может быть, и совсем бы пропали».

Один из современников писал: «Здание по внешности, башенками, своим обширным двором, своим превосходным входом – словом, всю свою отделку – бросается в глаза каж-

дому, и не мудрено, что приезжий – русский ли, или иностранец, осматривающий достопримечательности Москвы, – непременно посетит эти палаты».

Удивительно, но факт: вход в столь серьезное учреждение был свободным.

Впрочем, внутри все было далеко от идеала. Историк Петр Бартенев сокрушался: «В то время как частные люди стали у нас заниматься своими старинными бумагами, государственное наше архивное богатство, Московский главный архив Министерства иностранных дел, в новом своем великолепном помещении на Воздвиженке подвергается страшной опасности, именно – гниению. Там уже не только сырость, но в помещении рукописей – туман от сырости. Обои уже гнили. Соловьев (известный российский историк С. М. Соловьев. – АМ.) острит, утверждая, что последний том его истории никак не может быть сух. Так как он работал над ним в архиве».

Что поделаешь – архивные работники на радостях забыли, что новому зданию нужно просохнуть. Но впоследствии все, разумеется, наладилось.

* * *

А через полвека дому с башенками наступил конец. На его месте принялись возводить главную в стране библиотеку, а под ней, практически одновременно, – станцию метро.

Метрополитен более прочих городских объектов отражает историю Москвы двадцатого столетия. Ведь дома, мосты и памятники строили всегда. А метрополитен возник лишь в 1935 году. И станция «Библиотека имени Ленина» оказалась самым четким отражением истории, этаким ее подземным зеркалом.

Характерно уже само название. Ленин – первейшая персона в официальной России ушедшего века. А эта станция – первая в столичном метрополитене, которой дали имя вождя социалистической революции. Уже позже на схеме метро появятся «Ленинский проспект» и «Ленинские горы», да и вся система подземного транспорта Москвы получит имя этого исторического деятеля.

Само строительство станции (в котором, кстати, принимал участие чешский писатель Юлиус Фучик) было вполне в духе эпохи. Передовые (по тем временам) устремления смешались с колоритом древнего русского города. К примеру, археологи, обследовавшие подземные пространства, прежде чем туда пришла собственно стройка, вдруг обратили внимание на осадку фундамента в шахте. Естественно, они предположили неизвестные подземные пустоты, и естественно, что их предположение сразу же оправдалось. Был обнаружен белокаменный подвал семнадцатого века, а в подвале – неизвестного предназначения тайник с замаскированным низеньким входом-арочкой. По Москве поползли невероятнейшие слухи: дескать, строители уперлись неожиданно в подземное книгохранилище и чекисты сразу же распорядились то хранилище замуровать, поскольку тоннель был секретный, правительственный.

Несколько пугало строителей метро здание библиотеки. Известный спелеолог Игнатий Стеллецкий писал: «Большого внимания в подземном смысле заслуживает... станция „Библиотека Ленина“, как пункт скрещивания Мясницкого и Арбатского радиусов метро. Грандиозное здание Библиотеки им. Ленина возводится на месте, густо источенном на известной глубине историческими пустотами. Тоннель первой трассы метро, который имеет пройти под ними, составляет определенную угрозу архитектурному гиганту, если таинственные пустоты под ним времен Ивана Грозного своевременно не будут учтены и обезврежены».

Но к Стеллецкому не слишком-то прислушивались – с исторического «Дела краеведов» минуло всего пять лет.

А спустя два десятилетия краеведов оправдали. И не только краеведов... Наступила новая эпоха: политические заключенные и ссыльные возвращались в столицу на постоянное жительство. Иной сделалась и жизнь станции. Поэт Константин Ваншенкин вспоминал, как на платформе «Библиотеки имени Ленина» человек в потертом ватнике вдруг подскочил к дру-

тому человеку, с чистеньким портфельчиком, и принялся зверски его избивать, при этом крича:

– Ты посадил меня, гад, ты оклеветал!

Никто из пассажиров не пришел на помощь избиваемому. Тот, впрочем, и не призывал – терпеливо сносил экзекуцию...

После, в эпоху «развитого социализма», на станции «прописался» какой-то мошенник – каждое утро в турникетах находили металлическую шайбочку, которую злодей швырял туда вместо жетона... А поэты посвящали станции (а также тому, в чью честь ее назвали) свои пафосные четверостишия: «Ступени, ступени, ступени – как книги, уложены в ряд. Здесь часто просиживал Ленин вечерние зори подряд...»

А затем явилась перестройка, и общественная формация вновь сменилась. Моссовет предложил станцию переименовать – скромненько, в «Моховую». Официальное обоснование предложения было довольно аккуратным: «Сокращение громоздкого и неудобопроизносимого названия».

Но вскоре в стране возникли более серьезные проблемы, и бум переименований завершился, так и не исчерпав всех своих возможностей.

А станция все так же пользовалась популярностью у литераторов – именно отсюда за страницу до конца повествования выбрался Омон Ра, герой одноименного пелевинского опуса.

И похоже, что «Библиотека» и далее будет четко отражать события наземной жизни. А иной раз – их предвосхищать.

Скромная обитель пушкинского друга

Усадьба князей Голицыных (Малый Знаменский, дом №5) выстроена в восемнадцатом веке.

Недалеко от здания РГБ находится одна из знаменитейших усадеб города. Поначалу это была собственность князей Голицыных. А в 1790 году усадьбу приобрело семейство Вяземских. Их сын, Петр Андреевич (кстати, друг Пушкина), писал: «Родительский дом не отличался ни внешней пышностью, ни лакомыми пиршествами... Князь Лобанов говорил мне долго по кончине отца моего: „...Уж, конечно, не роскошью зазывал он всю Москву, должно признаться, что кормил он нас за ужином довольно плохо, а когда хотел похвастаться искусством повара своего, то бывало еще хуже“».

Скорее всего, поначалу гостей привлекал в усадьбу Николай Карамзин, который в самом начале прошлого столетия женился на сестре Петра Андреевича. Об этой девушке Ф. Вигель оставил такие воспоминания: «Она была бела, холодна, прекрасна, как статуя древности. Душевный жар, скрытый под этой мраморной оболочкой, мог узнать я только позже».

Впрочем, когда Петр Андреевич подросток, он сам сделался главной достопримечательностью дома. Этот оригинал оставил свой автопортрет: «У меня маленькие и серые глаза, вздернутый нос... Как бы в вознаграждение за маленький размер этих двух частей моего лица, мой рот, щеки и уши очень велики. Что касается до остального тела, то я – не Эзоп, не Аполлон Бельведерский. У меня чувствительное сердце, и я благодарю за него Всевышнего!.. У меня воображение горячее, быстро воспламеняющееся, восторженное, никогда не остающееся спокойным. Я очень люблю изучение некоторых предметов, в особенности поэзии... Я не глуп, но мой ум очень забавен».

Видимо, неспроста он был первейшим другом Пушкина.

В скором времени это владение купили господина Тутолмины, затем тут обитали Долгорукие... К концу прошлого столетия усадьба, как и ее не менее достойные соседи, утратила старое дворянское очарование и стала сдаваться внаем. Правда, этому владению везло на съемщиков. К примеру, тут проживал художник Серов, и дочь его с восторгом вспоминала: «При доме был особый двор и большой чудесный сад. Там, где теперь Музей изящных искусств имени Пушкина, находился плац, на котором проезжали верховых лошадей, и мы детьми залезали на деревья и часами наблюдали это зрелище».

Проживал тут и другой художник, Николай Мартынов (у него брали уроки живописи будущие издатели братья Сабашниковы). Впрочем, эта квартира была известна не столько творческими встречами, сколько жареными пирожками с гречневой кашей, луком и грибами, которые готовила супруга Мартынова.

После революции значимость дворца повысилась неоднократно. Здесь, например, обосновалось УЛИСО – Управление личного состава флота. В УЛИСО служила знаменитая писательница-революционерка Лариса Рейснер. Тут же была и ее квартира. Сохранилось описание этого жилища, оставленное Львом Никулиным: «Один угол комнаты со стенами чуть не метровой толщины занимала канцелярия флаг-секретаря комфлота, в других углах на столах и диванах лежали трофеи – сигареты, английские консервы, оружие, любительские фронтовые фотографии. На одной был изображен весь обвешанный оружием чернородый человек в каракулевой папахе – вождь партизан Кучек-хан; помнятся еще фотоснимки, запечатлевшие вооруженные пароходы флотилии – миноносец „Карл Либкнехт“, яхту комфлота „Межень“ с пробоиной от снаряда, отряд моряков в строю, опять моряки в живописных позах, группой у пулемета и даже верхом».

О старых дворянских традициях в бывшей усадьбе не вспоминали.

А в 1933 году дворец отдали под Музей Маркса и Энгельса. Путеводитель по Москве 1937 года разъяснял: «Задача музея – показать жизнь и деятельность великих основоположников научного коммунизма – Маркса и Энгельса —

в свете истории международного революционного рабочего движения, показать методы работы Маркса и Энгельса, мировое распространение их произведений и работу Института Маркса – Энгельса – Ленина по изданию литературного наследства Маркса и Энгельса».

Музейщики собрали все, что относилось к жизни «великих основоположников»: автографы, гравюры, фотографии, плакаты... И каждый правильный москвич мог приобщиться к жизни своих кумиров. Правда, не исключено, что многие из посетителей ходили сюда ради интерьеров старого дворянского особняка. Но их вполне можно понять.

Спокойствие дома было вновь нарушено в начале девяностых, когда здание музея вдруг передали «возрожденному» дворянскому собранию. Тут одновременно проходили «светские рауты» (в том виде, как их представляли высокородные «потомки») и работала редакция строгого журнала «Коммунист». Впрочем, к тому времени журнал переименовали – как ни странно, в «Свободную мысль».

Разумеется, «свободомыслевцы» и господа дворяне постоянно ссорились, писали друг на друга пасквили, жаловались друг на друга журналистам...

Мятежный «Петергоф»

Здание гостиницы «Петергоф» (Воздвиженка, 4) выстроено в 1901 году архитектором В. Шаубом.

История этого места началась в 1859 году, когда подрядчик, господин Скворцов, руководил строительством моста через Москву-реку. И из остатков старой переправы (эти, с позволения сказать, остатки были очень прочными, и переправу приходилось разбирать с помощью пороха) сделал себе весьма приличный домик с меблированными комнатами и трактиром.

Номера эти сразу прозвали «скворечником», а жильцов их – «скворцами». Попасть в число «скворцов» было большой удачей: хозяин славился своей терпимостью и мог сносить неплатежи годами.

– Со всяким бывает, – объяснял он свою доброту. – Надо человеку перевернуться дать.

И должник в конце концов «переворачивался», быстренько гасил свою задолженность и продолжал гнеститься у Скворцова, а есть ходил туда же, в «Петергоф», трактир при номерах.

Владелец трактира, господин Разживин, анонсировал меню в газетах: «Сегодня в понедельник – рыбная селянка с расстегаем. Во вторник – фляки... По средам и субботам – сибирские пельмени... Ежедневно шашлык из карачаевского барашка».

Кстати, Разживин был одним из первых в городе миссионеров – популяризаторов загадочного шашлыка. Впервые это блюдо появилось в 1870-е. На Софийке (нынешней Пушечной улице) среди бесчисленных русских трактиров вдруг открылось заведение некоего Автандилова. Подавали там невероятную еду – мясо, нарезанное на кусочки и зажаренное на длинных острых шпажках. Да не простое мясо – маринованное. Шпажки назывались шампурами, а само блюдо – шашлыком. Запивать эту разбойничью еду предполагалось необычным же вином – не французским, не венгерским, а каким-то кахетинским. Даже музыка у Автандилова играла странная – какие-то нездешние, то тягостно-напевные, а то, наоборот, быстрые, захватывающие мелодии. Располагалось все это в полуподвальном помещении.

Москвичи, конечно, сразу же заинтересовались погребком. Посетитель если и не валом повалил, то уж, во всяком случае, шашлычная не пустовала. Но заинтересовались ею и полицейские. Вроде бы и нету никакого криминала, а все равно странное место.

В конце концов предприниматель завершил свой бизнес, съехал на Мясницкую и там открыл обыкновенный винный магазин. Пусть его напитки (то же кахетинское) и отличались от традиционного ассортимента большей части винных лавок, но подозрения он более не вызывал. Подумаешь, виноторговец. Много их таких. А москвичи остались, к сожалению, без шашлыка. Готовить же его на своих дачах граждане пока что не отваживались – больно уж сложно все это. Как говорится, мочи да хлопочи...

Прошло с десятков лет, и в городе открылась новая шашлычная. На этот раз она принадлежала некоему Сулханову. Сулханов имел стопочку визиток с надписью: «К. Сулханов. Племянник князя Аргутинского-Долгорукова». Врач и писатель Аргутинский-Долгоруков был в те времена в большом почете, карточка и составляла для Сулханова рекомендацию среди клиентов, и в какой-то мере ограждала от настырности властей (мало ли, а вдруг действительно племянник? Такого обижать – себе дороже). Там же, на карточке, значился адрес К. Сулханова – один из сумрачных домов в Большом Черкасском переулке. Карточки распространялись по знакомым, так сказать, среди своих. Заведение Сулханова носило еле уловимый аромат масонской ложи.

Шашлычная действительно была полуполюгальной – ведь патент Сулханов не приобретал ни на вино (опять же кахетинское), ни на подмаринованное мясо. Выглядело это место очень колоритно. Обыкновенная квартира. В кухне – настоящая жаровня с тлеющими углями. В большой

гостиной – длинный стол. На столе гора зелени, лаваш и сыр. Порция состояла из невероятного количества парной баранины (три-четыре шампура), выдержанной в винном уксусе и гранатовом соке и зажаренной на углях. А к ней – все то же кахетинское.

Возмущению соседей не было предела. Еще бы: жар, чад, постоянный запах жареного мяса и страх – а вдруг Сулханов спалит дом своей жаровней. Они то и дело шастали в участок кляузничать, но полиция не принимала мер – видимо, шашлычник был мастер улаживать подобные вопросы.

В конце концов Сулханова все же прикрыли. Тогда он нашел себе патрона в лице предпринимателя Скворцова и ресторатора Разживина, работавшего при гостинице.

Шашлык был дешев и хорош. Заведение Разживина пользовалось огромной популярностью. Хотя монополистом он более не был: на подготовленный им рынок набежало множество других шашлычников – в первую очередь из Грузии. Вскоре шашлык проник и в Петербург. Кавказская кухня накрепко обосновалась в России.

* * *

Дело, начатое добрым жуликом Скворцовым, процветало, и на месте ветхих корпусов в 1901 году отстроили роскошную гостиницу и ресторан. Комплекс получил название по старому трактиру – «Петергоф», но селились и питались тут уже не бедняки-студенты, а публика пореспектабельнее. И среди прочих постояльцев – сочинитель Горький.

Он поселился в «Петергофе» перед заварухой, названной впоследствии восстанием пятого года. И еще с осени в его апартаментах начались приготовления к вооруженной смуте.

«Помню атмосферу кипучей сутолоки в квартире. Видно, что постоянно приходят посетители, знакомые и незнакомые, и ведет их сюда обаяние имени, облика хозяина», – писал интеллигентный и наивный Борис Зайцев.

В действительности их вело сюда другое. Революционерка Драбкина писала, что квартира сочинителя «как бы стала центром, куда стекалась информация со всех районов, местом, где люди могли встретиться и поговорить о делах, связаться с кем нужно». По другим воспоминаниям, «московская квартира Горького... была своеобразным опорным пунктом восстания. Отсюда при его широком содействии шло вооружение рабочих фабрики Шмидта и других боевых групп...»

Самую же яркую характеристику жилища сочинителя оставил бас Шалапин: «На квартире Горького ждали не то обысков, не то арестов. По-видимому, сдаваться так просто они не захотели, и в квартире писателя дежурило человек 12 молодых людей, преимущественно кавказцев, вооруженных наганом и другими того же рода инструментами, названия которых я не знал, так как я играю на других...»

Восстание пятого года провалилось, и «Петергоф» получил временную передышку. Здесь, в ресторане, опять развлекались законопослушные и беззаботные граждане. Да и богема проводила всякие свои мероприятия. Например, в «Петергофе» состоялось открытие «Зеленой лампы» – «интимного кабаре литераторов, художников и артистов». Приглашение на шоу выглядело так: «В субботу 15-го сего февраля 1914-го года в 11 ч. вечера в ресторане „Петергоф“ (Моховая, против Манежа) впервые зажжется „Зеленая лампа“. „Зеленая лампа“ надеется видеть Ваше лицо... в ее лучах. Писатели и деятели лампы покорнейше вас просят, лорд, прийти на огонек „Зеленой лампы“ и поддержать вступительный аккорд. Мы обещаем Вам всю ласковость уюта, улыбки женские, и блеск острот, и флирт; Вы не заметите, как промелькнут минуты. Вы не заметите, как опьянит вас спирт».

* * *

В октябре 1917 года в стену отеля «Петергоф» влетел снаряд. Он был выпущен со Швивой горки и изначально направлялся вовсе не сюда, а в Кремль. Но артиллерист ошибся, и боеприпас, перелетев назначенный ему объект, подпортил никому тогда не интересную гостиницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.